

сферы, таким образом, нуждается в изменении структуры вся сложившаяся институциональная система. Проблемы, возникающие в этом поле, приобретают социально-этическую окраску.

Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая» (а 12-33-09003).

Примечания

- ¹ См.: Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С. 158.
- ² См.: Козловски П. Постулаты экономической этики. СПб., 1999.
- ³ См.: Fung Yeou-Lan. Chinese Philosophy and a Future World Philosophy // The Philosophical Review. 2006.

№ 57. Р. 18–78.

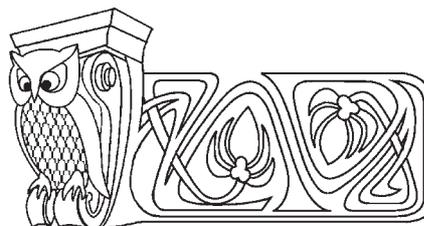
- ⁴ Ibid. P. 21.
- ⁵ Ibid. P. 24.
- ⁶ Ibid. P. 39.
- ⁷ Ibid. P. 42.
- ⁸ Ibid. P. 44.
- ⁹ Цит. по: Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху. Улан-Удэ, 2002. С. 56–60.
- ¹⁰ Fung Yeou-Lan. Op. cit. P. 51.
- ¹¹ Ibid. P. 38.
- ¹² См.: Козловски П. Указ. соч. С. 60–71.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же. С. 71–74.
- ¹⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов, 2008. С. 184.

УДК 316.3

МОРАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А. И. Парфёнов

Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Общество должно располагать эффективными средствами регуляции поведения индивидов, оно использует мораль как универсальную систему принуждения. Мораль является средством социализации, демаркации социальных и асоциальных элементов и наказания. Понятиями, используемыми для идентификации социально неприемлемых действий, служат непристойность, стыд, вина, позор. Их содержание определяется социальными нормами, актуальными в определённом культурном контексте.

Ключевые слова: мораль, общество, насилие, вина, позор.

The Moral Regulation as a Form of Social Violence

A. I. Parfenov

Society should get effective instrument of regulation of individuals' behavior. Society uses morality as a universal system of compulsion. Morality is also used as an instrument of socialization and demarcation between social and asocial elements, and as an instrument of punishment. Concepts used to identify socially unacceptable actions are: obscenity, shame, guilt. The content of these concepts is determined by social norms relevant in the specific cultural context.

Key words: morality, society, violence, shame, guilt.

Общество нуждается в эффективных средствах регуляции поведения индивидов, кроме правовой и всегда сопутствующей ей пенитен-

циарной систем общество использует мораль как универсальную систему принуждения, средство воспитания – социализации – и демаркации социально-полезных и социально-опасных субъектов, в качестве средства наказания. Одним из моральных понятий, используемых для идентификации социально неприемлемых действий, является понятие «непристойность».

Данное понятие всегда социально, его содержание определяется общественными нормами, актуальными в определённом культурном контексте, моралью, религией. Ни один объект, ни одно действие не могут быть непристойны сами по себе: другими словами, никакой «непристойности» в онтологическом смысле не существует. Она возникает как результат восприятия, формируется в пространстве коммуникации между сознанием и предметом созерцания, который определяется нашим взглядом в качестве «непристойного» или «пристойного». Когда мы определяем что-либо как «непристойное», то не высказываем «свою» точку зрения, мы занимаем позицию анонимного наблюдателя – носителя моральных критериев, обобщённого социального субъекта. Таким образом, понятие непристойности интерсубъективно, оно ассоциирует субъекта

с другим, причём в качестве «другого» выступает нормативная структура социального поля.

Предикат непристойности – форма отрицания, характеристика социально неприемлемого, непривычного, выходящего за рамки общепринятого, это средство дискредитации, контроля и уничтожения. Маркировка чего-либо как непристойного – одно из средств манипулирования сознанием толпы, которая готова растерзать любого объявленного её врагом. Моральное негодование – чувство, рождённое из зависти, – источник иррациональной ненависти, придающей толпе импульс движения, превращающей толпу либо в охранителя существующего социального порядка, либо в его разрушителя. Никакая власть не может обойтись без непристойности, она продуцирует её, затем «борется» с ней и в результате сливается с ней в гомеостазе.

Любая политика может быть определена как «непристойность» не всегда в силу своего содержания, но в силу своей репрезентации, зачастую порнографически вульгарной. Политическая пропаганда, агитация, всё, что именуется сегодня модным словом PR, воспринимается в обществе именно как непристойность, как свидетельство «потери стыда». Несостоятельность дихотомий тоталитаризма и демократии, подавления и освобождения, эротики и порнографии, в которых мы мыслим, заставляет обратиться к прояснению смысла данных словесных конструкций в их отношении к феноменальному полю социально-политической реальности.

Особенно эффективна моральная регуляция в обществе традиционного типа, которое продуцирует предельно ясные представления о моральном и аморальном, о достойном и непристойном. Представления такого рода фундируются религиозными табу, строго иерархической системой власти, которой соответствует иерархия моральных ценностей, а каждое сословие располагает собственными моральными стандартами. Примеров экзистенциального единения насилия и позора бесконечно много, символом такого единения можно считать наказание у позорного столба. Человек, подвергшийся публичному позору, ставший объектом глумления толпы, уже не может после экзекуции восстановить прежнюю социальную идентичность и претендовать на уважение в обществе. Это своего рода обряд, переводящий его на более низкую социальную ступень, а иной раз даже «расчеловечивающий». Этот путь в низ социальной иерархии или за её пределы, как правило, односторонен: пути назад нет. «Опозоренный» получает клеймо на всю оставшуюся жизнь, отчуждается от прав, принятых в той общности, которая отвергла его как чужеродный элемент.

В современной юридической психологии существует понятие, определяющее предрас-

положенность человека к тому, чтобы оказаться объектом насилия, – виктимность. Прежде всего это потенциальные жертвы насильственных действий, те кто когда-либо подвергались насилию, особенно со стороны знакомых (статистика свидетельствует, что наибольшее количество женщин подвергается насилию не злодеями, подло нападшими из-за угла, а приятелями, не вызывавшими подозрений, до определённого момента не проявлявшими к пострадавшим сексуального интереса). Пострадавшие от насилия знакомых чаще сталкиваются с негативным отношением окружающих, испытывают чувства вины и стыда за то, что не сумели предвидеть опасности, их чаще обвиняют в «ненадежном» поведении. Состояние жертвы в таких случаях усугубляется фактом злоупотребления ее доверием.

Комплекс жертвы усиливается, когда факт насилия становится предметом массового обсуждения (и осуждения) в обществе, когда потерпевшая сторона становится объектом жалости, зачастую ещё более унижительной, чем само насилие. Смирение, осуждение и сострадание вызывают негативный эффект: жертва придаёт случившемуся всё большее значение, «трогательное» внимание близких может оказаться утончённым издевательством, третированием пострадавшей личности. Социальный прессинг усиливает в сознании жертвы иррациональное чувство стыда. Эмоция стыда – это, с одной стороны, совокупность негативных сосудисто-вегетативных реакций, а с другой – следствие общественных установлений и идеологии. Но главным образом это один из психических механизмов, через которые общество воздействует на индивида. Стыд всегда сопровождается лишением личности социального авторитета, угрозой исключения из числа «своих».

Стыд становится неотъемлемым атрибутом психической ущербности жертвы как личности, наиболее подверженной манипулированию посредством социальных установлений. Воздействуя на эмоцию стыда, субъекты власти любого сегмента социума стремятся контролировать поведение личности, жёстко привязывая её к существующему социальному порядку. «Стыдливость» в аспекте социальных функций – то же самое, что и виктимность, это предикат потенциальной жертвы, и в первую очередь социального насилия – насилия подавления. Таким образом, одним из эффективных средств социально-психологического насилия оказывается «побуждение к стыду».

Понятия вины и стыда невозможно противопоставить. Даже если признать чувство вины связанным с переживанием личностью своего несоответствия Я-идеалу, необходимо помнить, что идеальной образ себя, как и идентичность вообще, формируется на интересубъективном

социальном уровне через соотнесение своего Я с Другим. И вина, и стыд, и позор – чувства социальные. Они негативны и вредны для психологического здоровья. Провозглашать их панацеей нравственности и социальной ликвидности по меньшей мере негуманно. Воспитывать в человеке чувство вины – то же самое, что поддерживать в его организме высокую концентрацию вредных веществ с тем, чтобы его самочувствие было как можно более дискомфортным.

Общество, принуждающее личность к осознанию вины и стыду, стремится воспитать её, социализировать, побудить к соблюдению порядка, но вместе с тем запускает механизм психологического сопротивления, выраженный в получении удовольствия от морального унижения. Ещё З. Фрейд определил данный феномен как «моральный мазохизм». Далёкий от метафизики нравственности, Фрейд отождествлял чувство вины и «потребность в наказании» (желание стать жертвой насилия). Сверх-Я – действующая в Я совесть – суровый палач по отношению к Я. Садизм совести и мазохизм Я прекрасно дополняют друг друга. Казалось бы, налицо механизм морального подавления влечений – вина, стыд как орудия садистствующей совести заставляют личность отказываться от асоциальных желаний. Но на самом деле всё иначе: мораль оказывается самым эффективным инструментом производства асоциальных желаний, в первую очередь эротических. «Через моральный мазохизм мораль вновь сексуализируется»¹.

В реальности людей, способных получать удовольствие от насилия и унижения, немного, напротив, в большинстве своём они испытывают панический страх перед возможностью быть униженными через социальное отчуждение. Наиболее тяжким социальным запретом, лишением в числе прочих является запрет на инаковость: человек, насильственно перестающий быть «таким как все», отмеченный клеймом позора, становится чуждым той тождественности, к которой стремится всякий субъект, интегрированный в культуру. Пресловутая культурная идентичность становится инструментом насилия, средством идентификации «своих» и «чужих». «Если насилие порождается угнетением, то ненависть зарождается, когда человека отправляют на помойку»². Отчуждение и унижение позором действительно рождают в человеке иррациональное чувство ненависти. В этом случае отчуждённый субъект не исправляется, а напротив, становится социально опасным, «отчаянным», способным на несимметричное применение насилия.

Так, жертва социальной обструкции, которой не удалось сохранить путей к ресоциализации, к восстановлению своего утраченного социального статуса, сама становится источником угрозы. Не секрет, что индивиды, подвергавшиеся уни-

жениям в структуре таких социальных тел, как школа, армия, тюрьма и т. п. и низводившиеся на маргинальный уровень «изгоя», «опущенного», склонны компенсировать свой позор посредством насилия над более слабыми (как правило, женщинами и детьми). Жертва насилия в прошлом (или настоящем) стремится к воспроизводству новых жертв, сама совершая акты насилия. Боль и унижение другого могут стать средством психологической разрядки для того, кто недавно сам оказался в роли жертвы.

По той же схеме формируется «агрессия морального осуждения» как одна из форм насилия: не секрет что большинство «борцов за нравственность» – люди глубоко порочные, испытывающие на этой почве комплекс неполноценности. Моральное осуждение – форма психологической защиты людей уязвимых в силу тех или иных обстоятельств: старый ненавидит молодого, больной здорового; старая дева ненавидит мужчин, а импотент – супружескую неверность. Не счесть, сколько преступлений люди творили во имя нравственности. Нельзя не привести слова Б. Рассела, написанные им о защитниках традиционной морали: «Для них ценность морали в узаконивании их собственного желания причинять другим людям боль <...> чтобы сделать приятное этим моралистам, миллионы человеческих существ обречены на жизнь столь мучительную, что лучше было бы им вовсе не появляться на свет»³. Моральный садизм как наиболее жестокая форма насилия продуцирует бесчисленное множество «жертв» морального остракизма.

Агрессия морального осуждения великолепно исследована В. Райхом, её сущность раскрывается в понятиях «эмоциональная чума» и «моральное помешательство» (*moral insanity*): «Организм, имеющий нарушения подвижности с рождения, сформировывает искусственные формы движения. Он хромает или пользуется костылями. Сходным образом индивид двигается по жизни при помощи того, что мы называем эмоциональной чумой, если присущие ему жизненные проявления с рождения подавлялись»⁴. Другими словами, к морализаторской истерии склонны люди неполноценные, сублимирующие собственную жизненную энергию в патологическую форму моральной ненависти. Но самое страшное, что моральное помешательство институализируется, находит прибежище в социальных институтах – органах управления, учебных заведениях или семьях. В результате человек деградирует, утверждая себя через пассивное и активное стремление к власти (самоутверждение посредством насилия представляется многим самоочевидной мыслью, простейшим путем ко всякому благу кажется именно путь к власти⁵), партийную жизнь, садистские методы воспитания, мазохистскую терпимость к подобным

методам или восстание против них, переходящее в преступление, слухи и клевету, бюрократию, идеологию агрессии и т. д.

Чем выше в обществе уровень морализаторства (морального насилия), тем сильнее это общество актуализирует деструктивные импульсы человеческой природы, порождая насильников, маньяков, извращенцев и прочие социально опасные элементы. Морализаторство, как правило, используется для маскировки аморального поведения: за притворной маской проповедника «высоких моральных стандартов» зачастую скрывается чудовище.

Казалось бы, в современном обществе традиционные моральные ценности девальвировались, но антимораль – тоже мораль, если не содержательно, то структурно, да и механизм психологической «привязки» такой же, аналогичны и идентификация себя с некими моральными / аморальными авторитетами, и следование поведенческим стереотипам. Если субъект привязан к стандартам той или иной субкультуры и морально зависим от «значимых других», то он неизбежно соотносит свои действия с некими нормами, пусть даже они противоречат традиционной морали. В любом случае попадание в моральную зависимость сродни наркомании, оно практически не оставляет человеку шансов на личную свободу, низводит его до уровня жертвы. Морально человек может зависеть от конкретных людей, от норм поведения, от моды и т. п. Так называемое стадное чувство особенно ярко характеризует механизм моральной зависимости.

Утрата индивидуальности через идентификацию своего Я с идеальным образом морального авторитета – верный путь к превращению в подобие растения, которое в большей мере зависит не от собственной воли к жизни, а от тех веществ, которые находятся в почве. Большинство людей, в особенности молодых, вполне осознанно избирают этот путь, отдавая свою жизнь на произвол внешней социальной детерминации и не делая ничего для собственного развития. Но утрата индивидом цельности своей природы, вернее, неспособность её обретения «расшатывает» структуру его психики, превращает его самого в «болезнь». Такой человек беззащитен перед реальностью, единственное, что ему остаётся, – это лгать самому себе, измышляя ложь свободы, морали, любви, благополучия. Материальное благополучие особенно эфемерно, но именно оно определяет сегодня «состоятельность» человека в глазах толпы.

Жизнь неизбежно разрушает иллюзии, в результате больших и малых разочарований, преследующих человека каждодневно, он начинает чувствовать себя жертвой и стыдится этого: стыдно быть «неудачником» в обществе, возводящем материальное благополучие и «успех» в ранг

важнейшей «моральной» ценности. В результате молодой человек или девушка, только входящие в социальную жизнь, оказываются под тяжестью собственных комплексов и неврозов. Люди могут не быть жертвами каких-то определённых насильственных действий, но быть представителями социального типа «жертвы». Они становятся таковыми в нездоровом социальном контексте, в силу своей «заброшенности», ненужности, невостребованности, бесперспективности и т. д.

Сегодня всё чаще люди становятся жертвами насилия и даже не догадываются об этом. Попадая в моральную зависимость от кого-либо (будь то индивидум или общность), жертва редко отдаёт себе в этом отчёт. Другое дело – зависимость материальная, хотя обычно они связаны. Более того, многие инстинктивно стремятся попасть в зависимость, упрощая механику принятия решения в той или иной ситуации: эта «страсть» к зависимости определяется колоссальным дефицитом общения, с которым сталкивается современный человек. Экзистенциально стремясь к коммуникации со «значимыми другими», человек в определённый момент оказывается в коммуникативном «коллапсе» и, стремясь преодолеть его, готов признать «близких людей» в ком угодно. Естественно, в этом случае велика вероятность того, что его будут эксплуатировать, принуждать к чему-либо, не встречая никакого сопротивления. Напротив, жертва будет признательна за оказанное «внимание», за ощущение «нужности» (кому-либо), «пригодности» (для чего-либо), переживая иллюзию «настоящего человеческого счастья».

«Привязанность» к определённому человеку, к идее, к повседневным практикам или, напротив, перманентное желание всё изменить в равной степени присущи человеческому существованию, в своих крайних проявлениях это свидетельствует об утрате человеком своей самости и об отчаянной попытке найти идентичность, зачастую в ущерб собственному Я. Это относится не только к личностям, но и к общностям: профессиональным, религиозным, этническим, политическим и т. д. «Комплекс жертвы» испытывают целые нации, а их элиты тем временем пытаются заработать на этом максимальный политический и экономический капитал. Афроамериканец заявляет о дискриминации не потому, что она коснулась его лично, но потому, что «угнетённость» – предикат его расы. Компенсировать позор угнетения он стремится, акцентируя внимание на негативных последствиях насилия, учинённого над его соплеменниками задолго до его рождения белыми угнетателями. Он – «жертва» номинально, но это его выбор, не будь он «жертвой», он не получал бы льгот и пособий. В обществе, построенном на принципах «толерантности», жертвой быть выгодно.

Примечания

- ¹ Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах. М., 1992. С. 363.
- ² Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 437.
- ³ Рассел Б. Во что я верю // Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 78.
- ⁴ Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. М., 1999. С. 404.
- ⁵ Адлер А. Мотив власти // Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. С. 235–241.

УДК 316

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПОНИМАНИЯ

Л. С. Перевозчикова

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

В статье раскрывается содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии, проясняются когнитивные механизмы толерантности.

Ключевые слова: толерантность, понимание, эпистемологическая процедура понимания, межкультурное взаимодействие.

Tolerance in the Intercultural Interaction: Epistemological Procedure of Reading

L. S. Perevozchikova

The content of the epistemological procedure of reading in the intercultural interaction is developed in the given paper, and cognitive mechanism of tolerance is revealed.

Key words: tolerance, reading, interpretation, epistemological understanding of the procedure intercultural interaction.

В эпоху глобализации, изменившей условия межкультурного взаимодействия, проблема понимания и восприятия – диалога культур – приобретает особую актуальность. В современном мире, благодаря коммуникационным технологиям и росту социальной мобильности, увеличивается плотность межличностных, межгрупповых и международных отношений. Сегодня возникает настоятельная необходимость включения в сферу коммуникации устойчивых механизмов взаимодействия без отторжения, вражды, ненависти и насилия. В связи с этим воспитание толерантности как основы межсубъектного взаимодействия в межкультурных коммуникациях становится важнейшей проблемой.

Понятие «толерантность» многозначно. Оно характеризует и качество личности, и моральное правило, и принципы деятельности и отношений между индивидами. Толерантность как качество

личности выражает способность индивида к договоренностям, склонность к доброжелательности, доброте, уважению к инакомыслию. Как моральное правило она означает требование исполнения всеобщего нравственного закона, согласно которому к человеку следует относиться как к цели и высшей ценности, а не как к средству. Как принцип деятельности и поведения она указывает на признание множественности равноценных позиций и равенства прав других, согласование и примирение интересов. Толерантность как принцип отношений между индивидами характеризует стремление к взаимопониманию, сотрудничеству, диалогу и компромиссу.

В философском плане принцип толерантности в концентрированном виде содержит идею позитивного восприятия инаковости и многообразия, признания тождества вопреки различиям. По мнению И. Иовеля, она представляет «способность признать человеческое в других как отзвук и отклик человеческой сущности в нас самих. Это не должно истолковываться ни как сочувствие, ни как близкие личные отношения <...> наоборот, толерантность присутствует, когда обе стороны чужды друг другу во всех личных и эмоциональных отношениях, и, однако, я способен признать в других что-то основное <...> что относится не к моим особым качествам или свойствам, а относится к моему существованию»¹.

В самом общем смысле толерантность – это основанная на ценностных ориентациях готовность субъекта к осознанным личностным действиям, направленным на выстраивание отношений с представителями иной социальной, нравственной, культурной среды на конструктивной основе, на достижение гуманистических